

АЛЕКСАНДР БУЗГАЛИН, АНДРЕЙ КОЛГАНОВ

Эксплуатация XXI века

От наемного рабочего и прибавочной стоимости к «креативному классу» и интеллектуальной ренте?

Проблема эксплуатации в последние десятилетия *как бы* «исчезла» из поля проблем, активно дискутируемых в социальных теориях. Эксплуатации *как бы* нет. Впрочем, схожая участь постигла и более широкий класс явлений — проблемы социального отчуждения. Авторы, уже не раз заявлявшие свою принадлежность к постсоветской школе критического марксизма, хотели бы противопоставить этому исследованию феномена эксплуатации, никогда и никуда не исчезавшей из бытия капиталистического мироустройства.

Кокетничая с постмодернистской лексикой, мы бы определили основную задачу этого текста так: *реактуализировать дискурс эксплуатации в контексте большого нарратива «критический марксизм»*¹. Говоря же на четком языке борьбы за снятие социального отчуждения и эмансипацию человека, языке социального творчества, мы можем и должны заявить: *эксплуатация есть реальность современного мира*, взятого во всем его

глобальном измерении: от полурабского принуждения к труду и изъятия не только прибавочного, но и части необходимого продукта у крестьян и рабочих третьего мира, для многих из которых 100 долларов в месяц и 60-часовая рабочая неделя представляются благом (2 миллиарда (!) жителей земли не имеют и этого), до высококолых интеллектуалов из стран «золотого миллиарда», у которых корпорации покупают не только их «рукописи», но и их вдохновения, превращая в объект эксплуатации бессмертную душу человека...

Оговоримся: эксплуатация есть не более (но и не менее), чем атрибут сущности капитализма вообще и современного, «позднего» (Э. Мандел) капитализма — в частности. Она всегда была и остается ключевым слагаемым подчинения труда капиталу, но сегодня она стала еще и одним из важнейших атрибутов тотальной гегемонии капитала корпоративного. В своих предшествующих работах² мы показали, что исходным пунктом

¹ Подробнее об этом течении см.: «Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма». М., 2009.

² См., в частности: А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. Глобальный капитал. М., 2004, 2007; А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. Пределы капитала. М., 2009.

БУЗГАЛИН Александр Владимирович — профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук. КОЛГАНОВ Андрей Иванович — заведующий Лабораторией по изучению рыночной экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук.

Данная статья подготовлена на основе одного из разделов готовящегося к публикации нового издания нашей книги «Глобальный капитал».

этой возникающей на пороге XXI века тотальной гегемонии становится феномен, который был нами назван «*тотальный корпоративно-сетевой рынок*» («рынком сетей», «паутин»), охватывающий все сферы социально-экономической (а также духовной и т. п.) жизни. Противоречия этого нового вида отношений товарного производства и обмена «снимаются» в новом виде денег — *виртуальных деньгах как продукте жизнедеятельности виртуального, фиктивного финансового капитала*. Продолжая логику этого «снятия», и рождается система отношений эксплуатации и подчинения труда капиталом, которая предстает сегодня в новом виде — как тотальная гегемония корпоративного капитала, анализу которой и будет непосредственно посвящен этот текст.

Капитал XXI века как «снятие» предшествующей эволюции капитализма: отношения эксплуатации

Прежде чем обратиться к проблемам современных отношений в этой области, сделаем небольшой экскурс в относительно малоизвестную сферу классической марксистской теории эксплуатации и напомним читателю некоторые слагаемые теории подчинения труда капиталу К. Маркса.

Капиталистическая эксплуатация: классический марксизм. К сожалению, в настоящее время для значительной части теоретиков, в том числе марксистов (хотя, естественно, не для всех — кое-кто из марксистов, даже нынешних, внимательно читал «Капитал» и подготовительные рукописи, а не только их пересказы), не просто основным, но, по сути дела, единственным вопросом теории прибавочной стоимости является присво-

ение капиталом некоторого *количества* неоплаченного труда наемного работника (разницы между стоимостью, созданной трудом работника, и стоимостью воспроизводства его рабочей силы). Между тем марксистская теория эксплуатации включает в себя целый ряд других — едва ли не более сложных и не менее важных — аспектов, формирующих целостную систему производственных отношений эксплуатации, являющуюся подсистемой отношений капиталистического способа производства.

В действительности проблема эксплуатации многогранна и включает в себя по меньшей мере следующие уровни *восхождения от абстрактного к конкретному в исследовании и развитии капиталистической эксплуатации*.

Первый — раскрытие всеобщей формулы капитала и ее противоречия. Фиксация всеобщей формулы капитала: $D - T - D'$ — деньги, приносящие добавочные деньги посредством обмена — эта «формула» собственно и задает то определение феномена «капитал», которое используется во всех современных экономических работах и даже обыденным сознанием. Заслуга К. Маркса в данном случае состоит не в том, что он дал это определение капитала, а что он теоретически доказал: это *видимость* капитала. Последнее важно и актуально, поскольку ныне под эту формулу подпадает масса феноменов, не являющихся капиталом по своей сущности, но имеющих видимость капитала («человеческий капитал», «социальный капитал»).

Более того, Маркс показал, что эта видимость противоречива, сформулировав знаменитую антиномию: дополнительные деньги создаются и не создаются в обращении. Загадка этой антиномии породила мощные дискуссии, в частности в советской по-

литэкономической и философской литературе, ставшие особенно интенсивными в 1960—1970-х годах³. Суть позиции наших учителей — Эвальда Ильенкова и Николая Хессина — состояла в доказательстве того, что данная антиномия — не умозрительная конструкция и не прием изложения, а отражение действительного противоречия возникновения и *не*-возникновения капитала в обращении, ибо здесь оба утверждения равно верны и равно неверны.

Такой взгляд дает возможность сделать несколько существенных выводов. Так, он позволяет показать, что Маркс не постулирует наличие особого товара «рабочая сила», потребительная стоимость которого состоит в способности создавать стоимость большую, чем его собственная, а выводит необходимость такого товара как единственно возможного средства разрешения данного противоречия. Иначе противоречие остается неснятой антиномией, и феномен одновременно и существует, и *не* существует. И это опять-таки — не логический кунштюк, а практика генезиса капитализма. Последнее верно хотя бы потому, что допотопные формы капитала, не опиравшиеся на капиталистическое производство, в строгом смысле слова капиталом не являлись и потому не могли привести к образованию капитализма как господствующего способа производства. Торгово-ростовщические кампании всегда оставались лишь неустойчивым (то расцветающим, то хиреющим) анклавом добуржуазных экономик. Марксово определение противоречия всеобщей формулы капитала как действительного есть теоретическое объяснение названной исторической закономерности.

³ Подробнее об этой дискуссии см.: «Диалектическое противоречие». М., 1969.

Для исследования отношения эксплуатации, однако, важнее другое — то, что и теоретическое исследование и обращение к практике позволяют показать: разрешение противоречия *всеобщей* формулы капитала возможно только там и тогда, где и когда есть все основные слагаемые *капиталистического процесса создания и присвоения прибавочной стоимости*. Это (1) *экономически и юридически независимый работник*, являющийся собственником товара «рабочая сила», и (2) частный собственник средств производства, имеющих социально-экономическую форму *капитала*; этот собственник (3) покупает товар «рабочая сила» и соединяет его с принадлежащими капиталу средствами производства, иницилируя тем самым (4) капиталистический процесс *производства*, где наемным рабочим создается (5) стоимость, большая, чем та, по которой купили его рабочую силу (*прибавочная стоимость*); последнюю (6) *присваивает собственник капитала*, и она подтверждает себя как стоимость (а не просто затрата труда) только после (7) *реализации на рынке* товара, произведенного наемным рабочим, но (8) *отчужденного* от него и принадлежащего капиталу.

Так Маркс *строго теоретически выводит* отношение производства прибавочной стоимости рабочим и присвоения капиталом (отношение эксплуатации) как необходимое и достаточное условие стабильного существования капитала. Что и подтверждает история. Отличие марксовой теории от неоклассики и т. п. в данном случае не только в том, что теоретически отображается феномен эксплуатации, но и в том, что он не постулируется, исходя из факта, а выводится, объясняя внешнее противоречие.

Второй уровень восхождения от абстрактного к конкретному в развер-

тивании теории эксплуатации — это исследование процесса *создания и присвоения прибавочной стоимости* как такового. Эти положения Маркса о прибавочном времени, труде и продукте и особенно их количественные соотношения. *Абстракции* m , v и их соотношения хорошо известны, и мы в данном случае можем ограничиться лишь тремя ремарками.

Первая: числовые примеры в «Капитале» есть не более чем иллюстрации для начинающего читателя; содержательной нагрузки они не несут. Маркс никогда не пытался считать стоимость v , соответственно, прибавочную стоимость. Сосчитать можно только рыночные формы этих явлений (прибыль, заработную плату), которые Маркс не случайно назвал превратными, ибо они искажают действительное содержание.

Вторая ремарка — о феномене, на который очень редко обращают внимание даже знатоки «Капитала». Предваряя исследование собственно прибавочной стоимости, Маркс очень точно и тонко показывает, как и почему стоимость постоянного капитала (машин, оборудования, сырья и т. п.) не изменяется в процессе производства, *доказывая тем самым неправомочность тезиса о создании прибыли (постоянным) капиталом*. Для этого оказывается абсолютно необходимо проведенное в первой главе исследование двойственного характера труда, ибо только оно позволяет показать, как и почему в одном и том же трудовом процессе происходит и перенесение стоимости постоянного капитала на конечный продукт (это «миссия» конкретного труда), и создание новой, в том числе прибавочной, стоимости (а это уже «миссия» труда абстрактного). Без этого «нюанса» рухнет вся теория эксплуатации, поэтому *исследование двойственного характера труда, со-*

здающего товары, — одна из немногих разработок, которые сам Маркс ставил себе в заслугу, — *есть абсолютно необходимое теоретическое основание всей экономической теории марксизма*. Вне этого все разговоры о стоимости и прибавочной стоимости в рамках марксистской парадигмы остаются в лучшем случае безграмотностью.

Третья ремарка — совсем короткая. Исследование К. Марксом абсолютной прибавочной стоимости и рабочего дня есть очень важный и, к сожалению, *неустаревший* аспект его теории эксплуатации. Стремление капитала к увеличению продолжительности рабочего времени не исчезает даже в XXI веке, особенно в странах периферии и полупериферии⁴. Соответственно и борьба за сокращение рабочего дня, рабочей недели, пенсионного возраста была, есть и будет актуальной на протяжении всего существования капитала; и объяснение причин этого, теоретическая интерпретация природы противоречий, лежащих в основе этой борьбы, — заслуга Маркса.

Третий уровень исследования Марксом эксплуатации — *теория относительной прибавочной стоимости* — с количественной точки зрения тоже хорошо известна. Но теоретически здесь есть немало открытий, которые далеко не сводимы к тому, что увеличение прибавочного труда может осуществляться за счет сокращения необходимого

⁴ Приведем лишь пару примеров актуальности этой проблемы. В XXI веке в России, стране, входящей в «большую восьмерку», один из ее крупнейших предпринимателей — олигарх Прохоров — предложил ввести... 60-ти часовую рабочую неделю. Другой пример — типичное для России и ряда других стран СНГ практически произвольное удлинение рабочего дня (до 10–12 часов) и рабочей недели (до 60–70 часов) у сотрудников многих частных компаний в сфере обслуживания и финансов.

при постоянном рабочем дне. Неявно сформулировав еще одну антиномию — рабочий день не может увеличиваться безгранично, прибавочная стоимость должна увеличиваться бесконечно (такова *всеобщая* формула, «судьба» капитала), Маркс опять-таки *выводит* необходимость постоянного повышения производительности труда. Последнее означает *наличие у капитала объективных стимулов инициирования и развития технического прогресса и более производительного труда*. Эту прогрессивную миссию капитала всячески подчеркивали и Маркс, и Ленин, и их последователи, и даже советские учебники.

При этом Маркс показывает, что непосредственным предметом заботы капитала является повышение не общественной производительности труда, а производительности труда его частного предприятия. Последнее позволяет капиталисту сокращать индивидуальные издержки ниже общественно-нормального уровня и получать прибавочную стоимость, которую Маркс назвал *избыточной*. В этом часто забываемом исследовании скрыто целое соцветие крайне актуальных положений.

Во-первых, с методологической точки зрения это исследование К. Маркса значимо как пример важнейшей черты *взаимодействия производительных сил и производственных отношений*, а именно — того, как, почему и в какой мере определенное производственное отношение обуславливает прогресс производительных сил и каких именно. Теория эксплуатации наемного работника оказывается прочно посаженной на материальный фундамент развития технологического процесса, что, как мы покажем далее, позволяет Марксу раскрыть массу важных следствий.

Во-вторых, Маркс раскрывает систему объективных *стимулов* технического прогресса, вытекающих из природы производственных отношений и процесса эксплуатации, а не из доброй воли или врожденных качеств предпринимателя. Автор «Капитала» показывает, что стремление к инновациям есть атрибут капитала, и делает это более чем *на пол века раньше Й. Шумпетера* (которому приписывают это «открытие»). Причем делает он это путем выведения из специфических законов капитализма, показывая, что это — следствие особых объективных производственных отношений капитализма, а не «естественной» психологической особенности некоторого избранного круга людей — предпринимателей, как то постулирует Й. Шумпетер.

В-третьих, в этом же контексте раскрываются капиталистические *границы* технического прогресса: капитал идет на использование новой техники тогда и только тогда, когда для него закрыты иные пути — повышение продолжительности и/или интенсивности труда, вовлечение более дешевой рабочей силы и т. п. История капитализма, и в частности современного вывоза индустриальных предприятий в страны третьего мира, прямо подтверждает эти положения. В России их иллюстрацией стала гротесково-пародийная форма паразитирования российского капитала на сырьевых и иных общественных ресурсах вплоть до «распила» государственного бюджета⁵. Более того, капитал развивал и развивает только те сферы технического прогресса, которые приводят

⁵ Подробнее об этом см., например: С. Ю. Глазьев. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М., 2010; М. Г. Делягин. Россия для россиян. М., 2007 (2-е изд. — 2009); А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. Мы пойдем другим путем. От «капиализма юрского периода» к России будущего. М., 2009.

к росту прибавочной стоимости. Если же результатом становится «всего лишь» увеличение объема и качества общественных благ, не приносящее дополнительной прибыли, капитал в это не включается вообще либо делает в форме благотворительности, то есть формы, к собственно капиталистическому производству отношения не имеющей.

На этом исследовании базируется *четвертый*, едва ли не наиболее важный и наиболее забытый уровень восхождения Маркса от абстрактного к конкретному в исследовании отношений эксплуатации, — исследование *формального и реального подчинения труда капиталу*.

Отчуждение труда в капиталистической форме (а оно развивается на базе снятия предшествующих форм — внеэкономического принуждения, личной зависимости) предполагает наличие формально-правовых предпосылок, а именно — наличие собственности на средства производства в руках *не-работника* (капиталиста) и их отсутствие у работника при личной независимости последнего. Первым шагом отчуждения становится, следовательно, *отчуждение средств производства от работника и* (на это реже обращают внимание) *отделение качества рабочей силы от других свойств работника, превращение этого качества в товар* (отчуждаемую вещь), что позволяет затем продать этот товар собственнику капитала.

За этим вполне логично следует второй шаг по пути отчуждения: работник теряет свою рабочую силу, она переходит в собственность хозяина средств производства. Теперь он определяет все основные слагаемые трудового процесса: что, как, при помощи каких средств производства и для кого производить. Труд оказывается отчужден по социально-экономической форме.

Третий шаг: созданный работниками продукт и часть его стоимости (а именно — прибавочная стоимость) также отчуждается капиталом.

Предпосылкой анализа этих феноменов служит понимание, что покупка капиталом товара «рабочая сила» имеет ряд принципиальных качественных отличий от любой другой трансакции на рынке. Это отношение, изменяющее природу человеческого труда и управления. Поскольку в условиях рынка собственник товара может его использовать так, как он хочет, постольку благодаря акту покупки товара «рабочая сила» капитал становится собственником всех параметров его использования. Поэтому *в условиях капитализма капитал, а не работник определяет параметры трудового процесса*: с какой целью, что, как, при помощи каких средств производства и т. п. будет работник производить — определяет отныне не производитель, а собственник капитала или его представитель. Так *капитал отчуждает от наемного работника не только средства производства, но и его труд*, превращая человека на производстве в подобие муравья или пчелы, активность которых отличается от труда человека, в частности тем, что не имеет функции самостоятельного целеполагания.

Более того, поскольку капиталистический процесс производства и исторически, и логически начинается с отношений использования кооперативного труда (найм группы рабочих для осуществления коллективного трудового процесса — у Маркса это положение раскрыто в главе о кооперации I тома «Капитала»), постольку капитал присваивает еще три атрибута этого процесса: *объединение людей в коллектив и формирование совокупного работника*, во-первых; *производительную силу его кооперативного*

*труда*⁶, во-вторых; *функции управления этим коллективным производительным процессом*, в-третьих, — *все это присваивает капитал*. В результате капитал как особое производственное отношение подчиняет себе трудовой процесс. Так складывается *формальное* (диктуемое социально-экономической формой) *подчинение труда капиталу*.

Однако безудержное стремление капитала к извлечению не только абсолютной, но и избыточной прибавочной стоимости, получаемой вследствие первоначального использования выгод от повышения производительности труда на своем предприятии, приводит (в условиях последующего всеобщего распространения инноваций; о современных противоречиях этого процесса — ниже) к возникновению и росту относительной прибавочной стоимости, а вместе с тем — техническому прогрессу. Последний становится причиной трансформации простой кооперации первоначально в мануфактуру, а затем — фабрику.

Для нас этот процесс важен прежде всего тем, что развитие даже мануфактуры приводит к еще одному шагу в процессе подчинения труда капиталу — формированию *частичного ра-*

ботника. Поскольку труд рабочих на мануфактуре разделен, и отдельный работник выполняет лишь одну из операций, на которой он специализирован, постольку он становится не целостным, способным к созданию конечного продукта, а частичным, способным к совершению лишь некоторой узкопрофессиональной операции. Трудовой процесс в целом в этих условиях становится производительным только при условии, что он организован некоторой третьей силой, которой в условиях капитализма и является в большинстве случаев (кооперативы пока оставим в стороне) капитал. В результате *труд наемного рабочего как частичного работника подчиняется капиталу и по своей технологии, а капитал становится собственником еще одной даровой производительной силы — той, что дает разделение труда*.

Но это лишь первый шаг на пути *реального (затрагивающего содержание трудового процесса, производительные силы) подчинения труда капиталу*. Адекватный вид это подчинение обретает по мере развития машинного производства и формирования системы машин — фабрики. Здесь работник подчинен уже не только капиталу как особой социально-экономической форме. Он подчинен капиталу технически, *ибо на фабрике рабочий — это не более чем придаток машины, дополнение этого «мертвого»* (по образному выражению Маркса) *труда*. С этого момента начинается период господства «мертвого» труда над «живым», а капитал и система машин (основной капитал в терминологии «Капитала») становятся синонимами; более того, сама категория «капитал» начинает использоваться и «основным течением» экономической теории, и хозяйственной практикой как обозначение прежде всего системы машин.

⁶ Заметим: известная в классической политэкономии (и хорошо знакомая каждому бригадиру) большая производительность кооперативного труда по сравнению с суммой трудовых усилий обособленных индивидов ныне в экономикс интерпретируется как «эффект от масштаба». Заметим в связи с этим, что, во-первых, фиксация этой закономерности есть достижение не экономикс, а классической политэкономии, в частности марксизма; во-вторых, производительная сила кооперации — явление более сложное и богатое, нежели «эффект от масштаба»; в-третьих, у Маркса не только показано наличие этой закономерности функционирования производительных сил всякого общества, где есть кооперативный процесс труда (начиная от строительства египетских пирамид), но и то, почему и как ее подчиняет капитал, и что из этого следует.

Апогеем развития реального подчинения труда капиталу в условиях индустриального производства становятся конвейерная организация труда (так называемый фордизм) и затрагивающий частично даже ручной труд тейлоризм, мелочно регламентирующий наиболее целесообразные трудовые движения работника.

Итак, сущность *реального подчинения труда капиталу* состоит в том, что само содержание процесса производства — технология трудовой деятельности, природа средств производства (система машин) — подчинено процессу воспроизводства капитала и в свою очередь служит подчинению труда материальным факторам производства как капиталу. Разделение труда, машина, конвейер и т. п. превращают человека в частичного работника, являющегося придатком системы машин, а сами становятся функцией капитала (постоянным капиталом, «мертвым трудом») — силой, подчиняющей живой труд логике мертвого, логике ставшей капиталом системы машин. В результате капитал обретает адекватную материально-техническую базу. Ею, повторим, становится система машин, где труд человека, во-первых, разделен (человек превращен в частичного работника, не способного самостоятельно создавать полезный продукт) и, во-вторых, подчинен машине (а она является безраздельной собственностью капитала, его непосредственным материальным воплощением).

В этих условиях *работник* не только экономически, но и *технологически подчиняется капиталу*. Более того, он *теряет свои ключевые человеческие качества: способность творческого самостоятельного преобразования материального мира, становясь придатком вещных факторов труда*, утрачивая свойство це-

леполагания (элементы гуманизации труда на современных предприятиях в развитых странах несколько корректируют эту связь, но для большинства предприятий не только второго и третьего, но и первого мира она по-прежнему актуальна). Неслучайно поэтому именно фабрика — система машин — и является технико-производственной основой реального, содержательного подчинения труда капиталу в условиях классически-капиталистического индустриального производства.

Все это — всего лишь азы марксистской политэкономии капитализма, и мы не стали бы их повторять, если бы не (1) их принципиальное значение для анализа современного положения, где в постиндустриальных сферах многие из этих феноменов видоизменяются вследствие развития и производственных отношений, и производительных сил, «снимая» (отрицая и сохраняя) классические основы, а также (2) сохранение всех этих атрибутов эксплуатации и подчинения труда капиталу везде, где сохраняется и/или воспроизводится господство индустриальных и доиндустриальных технологий.

Эксплуатация XXI века: контрпункты «диффузии» капитала и присвоения прибавочной стоимости, монополистической (сверх)прибыли интеллектуальной ренты. Прежде чем рассмотреть наиболее современные формы эксплуатации, предполагающие подчинение капиталу творческой деятельности, подчеркнем, что современный глобальный капитализм представляет собой сложную систему всех основных «пластов» взаимодействия наемного труда и капитала, характерных для исторической эволюции капиталистическо-

го способа производства, «снятых» в его современном пространственном бытии. Проще говоря, *современная «география» (социопропространственное бытие) мировой капиталистической системы есть одновременно и живая история капитализма: от доиндустриальных полукрепостнических форм в наиболее отсталых анклавах, через «классическую» эксплуатацию индустриальных рабочих на промышленных предприятиях, до более чем специфических форм подчинения капиталу творческой деятельности программистов и учителей...*

Рассматривая процесс как *глобальный*, мы можем зафиксировать (возвращаясь к вводным ремаркам I части) ряд эмпирически и теоретически легко фиксируемых черт, которые послужат исходным пунктом нашего анализа.

Во-первых, в мире сохраняются многие сотни миллионов лиц, занятых преимущественно доиндустриальным (ручным) или раннеиндустриальным трудом и являющихся объектом полуфеодальной-полукapиталистической эксплуатации в формах, наиболее близких тем, что описаны Ф. Энгельсом в «Положении рабочего класса в Англии», К. Марксом в заключительных главах I тома «Капитала», посвященных истории капиталистического накопления, В. И. Лениным в «Развитии капитализма в России» или... в некоторых довольно реалистических «мыльных операх» российского телевидения XXI века.

Во-вторых, начиная с конца XX и особенно в XXI веке как никогда массовым становится слой классических индустриальных наемных работников, классическим образом создающих прибавочную стоимость. *Количество труда, создающего прибавочную стоимость классически*

капиталистическим способом, ныне как никогда велико, ибо и объем наемного индустриального труда, и его производительность в мире в целом сегодня выше (даже в расчете на душу населения), чем в любую другую эпоху.

В-третьих, значительная часть работников так называемой сферы услуг, которую принято рассматривать как постиндустриальную сферу⁷, занята (даже с точки зрения классической марксистской теории) *производительным*, то есть создающим стоимость и, соответственно, прибавочную стоимость, *трусдам*⁸. К ним относятся все те, кто занят в сферах, непосредственно продолжающих функционирование и воспроизводство производительных сил, в том числе — рабочей силы. Соответ-

⁷ См. Д. Белл. Грядущее постиндустриальное общество. М., 2004.

⁸ В марксистской теории идет долгая и не во всех своих аспектах плодотворная дискуссия о том, какой труд считать производительным. Мы в данном тексте не будем уходить в тонкости этих дебатов, хотя еще в советское время немало сил отдали участию в них. Зафиксируем лишь те выводы, к которым мы пришли. *Первый*: производительный труд — это категория, содержание которой обогащается по мере разворачивания основных блоков экономической системы и, соответственно, системы категорий политической экономии данного (в нашем случае — капиталистического) способа производства. Соответственно, присутствует система определений производительного труда, построенная по принципу восхождения от абстрактного к конкретному. *Второй*: исходным в этой системе является определение, данное на уровне специфически капиталистических (то есть индустриальных) производительных сил. Это труд, обеспечивающий воспроизводство производительных сил, в том числе — рабочей силы. Соответственно, этот труд (и это второй шаг в восхождении от абстрактного к конкретному) и есть труд, создающий стоимость, а в дальнейшем — прибавочную стоимость. *Третий*: на уровне видимости специфически капиталистически производительным становится всякий труд, создающий прибыль, но это уже превратные формы, и в данном случае (пока) — не наш предмет.

ственно сферами, в которых (с точки зрения классической марксистской теории!) создается стоимость, являются не только та часть торговли, где осуществляется продолжение процесса производства материальных благ в широком смысле слова, но и аналогичная ей по своей природе и функциональной роли часть сферы услуг.

Для подтверждения этого тезиса воспользуемся марксовой методологией различения дополнительных и чистых издержек обращения. В первом случае это та часть процесса торговли, которая связана с процессом функционирования производительных сил и является, как мы уже отметили, продолжением процесса общественного производства в широком смысле слова (в единстве производства, обмена, распределения и потребления). Во втором случае это издержки торговли, связанные с функционированием капиталистической формы, то есть без которых мог бы обойтись процесс воспроизводства, если бы он осуществлялся не в капиталистической форме.

Так же мы можем различить и *два слагаемых капиталистической сферы услуг*. Первая ее часть связана с воспроизводством рабочей силы как производительной силы, и потому она производительна *по содержанию* — в ней происходит создание стоимости и прибавочной стоимости. Вторая связана с воспроизводством капиталистической формы бытия человека, порождающей массу фиктивных потребностей и удовлетворяющих их фиктивных услуг. Эта сфера производительна исключительно *по форме*, причем превратной: занятый здесь капитал присваивает прибыль, но там не создается прибавочная стоимость.

Эта методология⁹ касается собственно капиталистических критериев производительности и восходит к марксистской теории производительного труда. В советском и постсоветском марксизме было принято различать вслед за Марксом разные теоретические уровни в определении *капиталистических* критериев различения производительного и непроизводительного труда. Эта система критериев была построена на основе метода восхождения от абстрактного к конкретному в соответствии с логикой «Капитала». Если оставить в стороне критерии, лежащие на уровне производительных сил (производство и воспроизводство средств производства и человека), то она предполагала выделение как минимум следующих основных ступеней:

— предельно абстрактный уровень: производитель материальный труд, создающий стоимость;

— уровень сущности: производитель материальный труд, создающий прибавочную стоимость;

— уровень явления и превратных форм: производитель любой труд, позволяющий присваивать прибыль.

Итак, в сфере услуг может быть выделена та часть, где создается стоимость и есть наемный труд, то есть происходит создание прибавочной стоимости. Это та ее часть, где *создаются услуги, являющиеся необходимым звеном воспроизводства рабочей силы, в том числе современной высококвалифицированной* (к проблеме воспроизводства так называемого человеческого капитала мы еще вернемся).

⁹ Кстати, эту методологию мы используем и применительно к сфере производства, выделяя как его слагаемое непроизводительный труд по производству благ превратного сектора. Производство симулятивных благ (и продуктов, и услуг) еще более усложняет эту проблему, ибо их создание также следует расценить как непроизводительный — с точки зрения создания стоимости — труд.

По-видимому, к этим сферам следует отнести большую часть торговли средствами производства и *несимулятивными* потребительскими товарами, а также создающей *несимулятивные* блага сферы услуг. В последнем случае речь может и должна идти о большей части предприятий общественного питания, бытового обслуживания, рекреации и т. п. Точно, количественно оценить эту часть занятых мировой экономики мы не беремся, но ориентировочно это должна быть значительная (порядка половины) часть *мировой* сферы услуг. Подчеркнем, что большая часть работников соответствующих отраслей занята специфической формой ручного, ранне- и позднеиндустриального производительного труда, создающего стоимость и прибавочную стоимость.

Итак, в традиционных сферах производительного труда, создающих прибавочную стоимость классическим образом, сегодня занято никак не менее половины мировой рабочей силы. *С учетом накопленной за столетия капитальной стоимости это производство создает ту массу богатства, которая не только обеспечивает современное воспроизводство, но и создает определенные основы для роста паразитирующего на нем (хотя и не только на нем) превратного (бесполезного) сектора.*

Таким образом, для современного капитализма характерно сохранение «классических» отношений капиталистической эксплуатации. Соответственно, мы можем сделать вывод, что *первый «пласт»* подчинения труда современному глобальному капиталу — «восстановление» *классических отношений формального и реального подчинения труда капиталу* (час-

точно ограниченных предшествующим периодом социал-реформизма) и, соответственно, извлечения абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Напомним, что ныне, несмотря на характерное для развитых стран сокращение индустриального материального производства и усложнение социальной структуры, *в мире в целом* достигла максимального за все предшествующие периоды масштаба эксплуатация ручного и индустриального наемного труда.

Для современного капитализма характерно сохранение «классических» отношений капиталистической эксплуатации.

Не следует также забывать о том, что неолиберальный этап позднего капитализма характеризуется и восстановлением в большинстве стран (в том числе первого мира, например в США) относительного, а в определенных периоды — и абсолютного, обнищания пролетариата как устойчивых тенденций (так, например, среднечасовая реальная оплата труда в США за последние двадцать пять лет XX века в среднем сокращалась. Разрыв в доходах высших и низших доходных групп увеличился; почти в два раза выросла разница между зарплатой высших менеджеров — а это ныне скорее форма получения прибавочной стоимости, чем плата за товар-рабочую силу, и большинства наемных работников).

Второй «пласт» отношений тотального подчинения труда капиталу связан с диалектическим снятием (критическим наследованием) в современных условиях отношений труда и капитала, характерных для последующего исторического этапа (и одновременно логического уровня)

эволюции *позднего* капитализма. Это новые аспекты эксплуатации и подчинения труда капиталу, характерные для первого этапа подрыва основ капитализма — *монополистического капитализма, или империализма*. От этого историко-логического этапа эволюции позднего капитализма «сохраняется», в частности, многоступенчатая иерархия перераспределения прибавочной стоимости в пользу (1) развитых стран; (2) монополистических объединений этих стран (монополия [сверх] прибыль) с двойным, тройным и т. д. бременем эксплуатации для наемных рабочих развивающихся стран; (3) финансового капитала. О природе этого перераспределения под влиянием «полей зависимости» («рыночной власти»), создаваемых крупным корпоративным капиталом, и вследствие господства виртуального фиктивного капитала авторы писали ранее и потому здесь не будут возвращаться к этим проблемам¹⁰.

От следующего историко-логического этапа эволюции позднего капитализма — *социал-реформизма* — сохраняется (хотя и в несколько урезанном виде) характерная для развитых стран сложная система как ограничений эксплуатации в узком смысле слова (от ограничения продолжительности рабочего дня, недели и т. п. до прогрессивного подоходного налога и разнообразных форм социальной защиты), так и «коррекций» механизмов формального и реального подчинения труда (от охраны труда до участия работников в собственности и управлении). Это *третий «пласт»*

современных отношений подчинения труда капиталу.

Однако *неолиберальный период не только ограничивает достижения предшествующего этапа, но и подрывает механизмы их обеспечения*: ослабление и снижение роли различных ассоциаций трудящихся, проходящие под давлением неомаркетизации, и «очаствивание» социальной жизни разрушают основы для противодействия росту эксплуатации.

Наиболее интересным и сложным с точки зрения марксистской теории эксплуатации на этом уровне исследования становится вопрос о кажущемся изменении природы капитала и «преодолении» *эксплуатации* наемного труда в связи с появлением многочисленных пенсионных, инвестиционных и иных фондов, аккумулирующих накопления наемных работников и тем самым якобы превращающих их в совокупного капиталиста. Это достижение «государства всеобщего благоденствия» ныне существенно трансформировалось, но базовые его слагаемые сохраняются до сих пор, не уходя в историю, и потому требуют анализа.

Тезис о диффузии капитала и генезисе «посткапитализма» стал широко распространенным во второй половине XX века¹¹. На наш взгляд, вывод о переходе мира к «посткапитализму», основанный на тезисах о так называемом *исчезновении капитала как накопленной прибавочной стоимости и превращении его в накопления граждан*, в основе своей неверен (во всяком случае, с точки зрения марксистской теории прибавочной стоимости). Но не потому, что мы отрицаем роль пенсионных фондов и других форм сбережений, используемых для капитализации: их роль действитель-

¹⁰ Упомянем, что эти механизмы были описаны еще В. И. Лениным и Р. Люксембург для условий начала XX века; их современный вид, характерный для периода глобализации, представлен в работах С. Амина и ряда других исследователей (см. **S. Amin**. *Global History — a View from the South*. Oxford, 2010).

¹¹ См. **P. Drucker**. *Post-Capitalist Society*. N. Y., 1993.

но велика, хотя в *глобальной* экономике она и не является решающей.

Дело в другом. В пенсионных и иных фондах¹² аккумулируется частично *необходимый* продукт *работника* (страховая медицина, накопления для образования детей и т. п. слагаемые воспроизводства квалифицированной рабочей силы), частично *прибавочный* продукт *общества*.

В качестве небольшого отступления подчеркнем проводимое нами здесь различие прибавочного продукта *общества* и прибавочного продукта, присваиваемого частным лицом — как правило капиталистом. Первый, в отличие от последнего, — средства, которые используются в любом обществе (в особенности в условиях позднего капитализма, прошедшего через период «государства благосостояния» и не до конца от него отказавшегося) на реализацию общенародных нужд: от безопасности до (в современных условиях) защиты окружающей среды.

Продолжим наш анализ. Прибавочный продукт общества в настоящее время достаточно велик и в условиях *не-капиталистической* системы общественного присвоения должен был бы использоваться на увеличение продолжительности жизни, рациональное использование свободного времени, содержание *уже* и *еще* нетрудоспособных.

В условиях капитализма дело обстоит сложнее.

Первоначально «классический» капитализм, для которого были характерны детский труд, низкая продолжительность жизни и т. п., не предполагал включения этих расходов в необходимый продукт работника.

¹² Несколькоими страницами ниже, анализируя новое качество работников в условиях гегемонии корпоративного капитала, мы покажем, почему это качество сопряжено с резким возрастанием роли таких фондов.

Технологический прогресс последнего столетия обусловил необходимость (во всяком случае, в развитых странах) перехода к другому типу работника. Среднее специальное и высшее образование значительной части работников *развитых стран* стало условием накопления капитала. Параллельно условием воспроизводства рабочей силы «профессионалов» стало увеличение продолжительности и стабильность жизни. В этом же направлении действовали такие факторы, как организованная борьба трудящихся и граждан, соревнование с «мировой системой социализма», в конечном итоге — переход к социал-реформизму. В результате часть этих расходов в XX веке вошла в цену рабочей силы, часть стала *вычетом из прибавочной стоимости, перераспределяемым* (под давлением оппозиционных капиталу сил) *в пользу трудящихся*.

Кризис социал-реформизма и «общества двух третей», частичное сворачивание социальных расходов и т. п. привели к тому, что (1) в ряде случаев эти расходы в целом сократились; (2) изменилась пропорция между их частным и общественным слагаемыми: относительно увеличились расходы за счет сбережений работников, относительно — а в ряде стран и абсолютно — сократились общественные расходы и (3) усилилась концентрация этих сбережений в частных фондах.

Последнее особенно важно, ибо указывает на то, что на нынешнем этапе инволюции капитала стала разворачиваться *приватизация капиталом части как необходимого продукта работника, так и общественного прибавочного продукта, используемой на социально-гуманитарные цели. Эта приватизация и стала реальным содержанием того процесса, который, по-видимому имеет вид... диффузии капитала и капитализма.*

Кроме того, следует учитывать, что *эти сбережения в значительной части осуществляются теми наемными работниками, чья зарплата является с точки зрения марксизма частью прибавочной стоимости* (и шире — прибавочного продукта, имеющего стоимостную форму), создаваемой трудом работников материального производства и креатосферы. К числу наемных работников, получающих *такие* доходы, относятся все работники превратного сектора (большая часть специалистов в области финансов, маркетинга, пиара и иных создателей симулякров, работников масс-культуры, частных юристов, политтехнологов, звезд и «звездочек» шоу-бизнеса и профессионального спорта и т. п.), а также все высшие менеджеры в той части, в какой их доходы образуются из прибавочной стоимости (прибыли), лишь облекаясь в форму зарплат. В последнем случае никакой «диффузии капитала» вообще не происходит: используемые для инвестиций доходы этих «работников», намеренно повторим, суть не что иное, как часть прибавочной стоимости, присваиваемой совокупным общественным капиталом.

Итак, оставаясь на этом уровне исследования, мы можем зафиксировать, что и *в современной глобальной экономике одним из основных источников доходов и образования капитала остается «классическая» прибавочная стоимость*, создаваемая производительным трудом наемных работников (ниже мы покажем, что ныне другим таким источником становится имеющее стоимостную форму всеобщее богатство, создаваемое творческим трудом в креатосфере).

Эти источники, однако, трансформируются в инвестиции и личное потребление сложной системы классов и промежуточных слоев капиталистического общества (в том числе корпо-

ративной номенклатуры, «профессионалов» и т. п.; о социальной природе и структуре этих слоев — ниже), опосредуясь сложной системой превратных форм. Одна из них — закамouflированное присвоение прибыли (в том числе в материальном производстве) в форме зарплат и других доходов высших менеджеров и «профессионалов». Другая, едва ли не еще более важная, — перераспределение части создаваемой в мире прибавочной стоимости (включая часть «заработной платы» высших служащих и «профессионалов») в пользу превратного сектора. Это перераспределение идет через два основных канала: инвестиции в превратный сектор средств накопления фирм (только один пример: до Мирового кризиса корпорации нефинансового сектора США до половины своей прибыли получали от инвестиций в финансовые спекуляции) и направление в тот же сектор личных сбережений, источником которых является прибавочная стоимость и интеллектуальная рента.

Кроме того, напомним, что для позднего капитализма (особенно периода неолиберализма) характерна приватизация корпоративным капиталом сберегаемой для воспроизводства высококвалифицированного работника части необходимого общественного продукта (стоимости рабочей силы). Эта часть также используется для воспроизводства капитала, в том числе вложений в превратный сектор.

Наконец, сложная система перераспределения характерна для доходов, получаемых из такого источника, как интеллектуальная рента (это прибыль корпораций — собственников интеллектуального «капитала» и часть доходов работников-интеллектуалов). Они также в части сбережений становятся источником воспроизводства капитала, в том числе превратного сектора. Далее ресурсы

последнего, равно как имеющее стоимостную форму богатство, создаваемое в креатосфере, и прибыль материального производства прямо и косвенно (через сбережения из «зарплаты») превращаются в источники образования новой капитальной стоимости.

Эти процессы показывают, как происходит камуфлирование процесса эксплуатации и создается объективная видимость того, что капитал как таковой (частная собственность физического лица, нанимающего наемного работника) исчез, а присутствует всего лишь сбережение доходов работников, используемое «профессионалами» для расширенного воспроизводства экономики.

И все же наиболее интересен для данного материала *четвертый «пласт»* подчинения труда — новые отношения эксплуатации, формируемые на нынешнем этапе позднего капитализма. Это *отношения эксплуатации творческой деятельности и подчинения корпоративному капиталу Человека как Личности* (а не только рабочей силы).

Современный капитал — это отнюдь не только классическое индустриальное производство, но и *сферы творческой деятельности*, где занят «креативный класс»¹³. Именно здесь возникают новые формы капиталистической эксплуатации, ибо, как будет показано ниже, современный капитал частично присваивает богатство, создаваемое всеобщим творческим трудом. А к сферам, где значимую роль в деятельности играют творческие компоненты (мы их назвали *креатосферой — пространством и временем предметных, де-*

*ятельных и личностных измерений творчества*¹⁴), сегодня относится широкий круг отраслей общественного воспроизводства. Это обучение и воспитание во всем их многообразии, здравоохранение, техническое и научное творчество, рекреация природы и общества, производительная часть управленческого труда, искусство и др. Труд во всех этих сферах производителен, но уже не по собственно капиталистическим, а по общечеловеческим критериям, ибо служит воспроизводству и развитию *рода* Человек в любых общественных системах.

В марксистской теории хорошо известно, что этот *всеобщий творческий труд не создает стоимость, но образует действительное (несимулятивное) общественное богатство, получающее в условиях тотального рынка форму стоимости*¹⁵. Эта стоимостная форма для него является превратной, но само данное общественное богатство реально, производительно и лежит в основе воспроизводства материальных и культурных благ, присваивае-

¹⁴ В критическом советском марксизме теория творчества как диалога, субъект-субъектного отношения, интегрирующего процессы опредмечивания и распредмечивания, раскрыта в работах М. Бахтина, Г. Батищева, В. Библиера и их последователей (см.: **М. Бахтин**. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963; **Г. Батищев**. Диалектика творчества. СПб., 1998; **В. Библиер**. Мышление как творчество. М., 1975). Наша позиция по этому вопросу развита в IV части книги «Глобальный капитал» и статье **Л. Булавки, А. Бузгалина, А. Бахтина** «Диалектика versus метафизика постмодернизма» («Вопросы философии», 2000. № 1).

¹⁵ Авторы рассмотрели эти закономерности в своих работах 1980—1990-х годов (см.: «По ту сторону отчуждения». Ред. А. В. Бузгалин. М., 1990; **А. В. Бузгалин**. По ту сторону «царства необходимости». М., 1998). Своеобразная авторская интерпретация этой части марксистской теории представлена в работах В. Иноземцева (см., например: **В. Л. Иноземцев**. За пределами экономического общества. М., 1998).

¹³ По данным Р. Флориды, «креативный класс» в США составляет примерно 30 процентов занятых (см. **R. Florida**. The Rise of the Creative Class. N. Y., 2006. P. 67).

мых современным капиталом. Более того, в условиях частной собственности на результаты творческой деятельности оно в значительной степени бесплатно присваивается капиталом в виде так называемой *интеллектуальной ренты*, являющейся основной формой дохода от такой деятельности в условиях позднего капитализма.

Механизм и природу этих превращений мы рассмотрим в последующих разделах этой главы. Здесь же нам важно зафиксировать достаточно широко известный и эмпирически фиксируемый феномен: меньшая часть интеллектуальной ренты составляет некоторый «добавок» (сверх стоимости рабочей силы), скрытый в заработной плате наемного работника-«интеллектуала», большая часть присваивается собственником «креативной корпорации», использующей наемный творческий труд. Еще одна часть этой ренты присваивается креативными работниками, чей труд не является наемным, но и здесь значительная часть этих рентных доходов реинвестируется (опосредуясь формой сбережений) в капиталистическое воспроизводство. Так *интеллектуальная рента становится, наряду с классической прибавочной стоимостью, основным источником прибыли современного капитала.*

Итак, *современная система эксплуатации предполагает контрапункт, противоречивую и далеко не всегда органичную интеграцию четких историко-логических «пластов» (подсистем производственных отношений) эксплуатации труда капиталом:*

— «классическую» систему отношений производства (наемным трудом) и присвоения (капиталом) «обычной» прибавочной стоимости;

— отношения производства и присвоения монополистической сверхприбыли и финансовой прибыли;

— снятые неолиберализмом (воспроизводимые в урезанно-деформированном виде) отношения перераспределения части прибавочной стоимости и «диффузии» капитала;

— отношения эксплуатации креативной деятельности и присвоения интеллектуальной ренты и другие, специфические именно для современного этапа слагаемые тотальной гегемонии капитала и, в частности, эксплуатации.

К исследованию последней проблемы мы обратимся ниже.

Характеристика системы отношений подчинения труда капиталу и эксплуатации, характерных для современного этапа позднего капитализма, неслучайно обусловила акцент на проблеме субъекта творческой деятельности. Именно здесь, в противоречиях нелинейной трансформации находящегося в процессе заката «царства необходимости» и нарождающейся креатосферы (называемой ныне преимущественно по ее внешним признакам «обществом знаний»), и лежит наиболее актуальный блок проблем современного капитала. На поверхности явлений он проявляется в проблемах капиталистической организации труда интеллектуалов, интеллектуальной собственности и т. п. Но в основе этих вопросов лежит «проблема проблем»: противоположность творческой по своему содержанию деятельности и отношений отчуждения, свойственных для системы глобальной гегемонии корпоративного капитала. ◆

Окончание следует.